

Белый щенок ищет хозяина

Автор:

Владислав Крапивин

Белый щенок ищет хозяина

Владислав Петрович Крапивин

Эта повесть – история приключений двух озорников: щенка, который очень хотел найти своего настоящего хозяина, и мальчика Уголька, всю жизнь мечтавшего о верном друге.

Владислав Крапивин

Белый щенок ищет хозяина

Всем мальчишкам с Уктусских гор, где лес подходит к самым окнам Свердловска.

ПРЯМАЯ СТРЕЛА

Хребет, покрытый сосновым лесом, врезается в город с юга. Он разрубает на две части самую солнечную окраину. Слева раскинулся новый район восточных улиц. Справа белеет многоэтажный поселок химкомбината.

Горы небольшие. Но все-таки это горы. Есть там и острые каменные зубцы, и гранитные обрывы, хоть встречаются они не часто. Зато много круглых вершин, на которые могут подняться даже совсем маленькие мальчишки. На одной из

самых высоких гор сосны расступаются и открывают поляну. Здесь, в метелках высокой травы, среди глазастых ромашек греются под солнцем валуны, похожие на спящих слонят. Сухой зеленовато-серый мох покрывает спины слонят узорчатыми чешуйками.

Если взойти на эту вершину да еще подняться на самый большой валун, то можно увидеть, как горы плавными волнами уходят к юго-западу. Волны, сначала темно-зеленые, вдали окутываются синевой и, наконец, сливаются на горизонте с морем совершенно синего леса.

Это если смотреть на юг...

А если повернешься к северу, то сквозь поредевший лес у подножия зеленых склонов увидишь дома под цветными крышами, и ленточку асфальта, и синий троллейбус на этой ленточке... Там лежит поселок. Стрелогорск.

Это имя дали ему не зря. Сам хребет называется странно и красиво – Прямая Стрела. Так называли его древние жители гор, смелые всадники в острых лисьих шапках, с луками, выгнутыми, как маленькие коромысла. Говорят, по берегам ручья, который бежит вдоль западного склона, рос удивительный кустарник с прямыми и крепкими ветками. Всадники делали из этих веток стрелы.

Стрелогорску тесно внизу. Некоторые улицы уже заползают на горы, подобралась к самому лесу.

На самой высокой улице, на той, за которой уже поднимается березовый подлесок, как раз и живут герои этой повести. Вообще там живет много

людей: рабачие с химкомбината и фабрики “Металлист”, почтальоны, учителя, шофер дядя Саша, лейтенант милиции Сережа, мальчишки и пенсионер Гурьян Кириллович.

О Гурьяне Кирилловиче стоит рассказать подробнее потому, что мы с ним еще встретимся. Мальчишки не любят этого почтенного человека. Называют его не иначе, как Курьян Курилыч. Впрочем, чаще зовут его просто Курилычем. А все из-за того, что Гурьян Кириллович каждый день рассказывает соседям, будто бросил курить. Ему вредно курить. У него гипертония и больное сердце. Поговорив о гипертонии и больном сердце, Курилыч обязательно попросит

папироску – последнюю, будь она проклята. И уйдет, тяжело покачивая животом, подхваченным снизу прочным ремнем.

Лицо у Курилыча мясистое и красное, будто он каждый день трет его спелой свеклой. Мальчишкам это не нравится. Они говорят, что у инвалидов не бывает таких здоровых мор... то есть лиц. Не ценят они и мужества Курилыча. Ведь он, несмотря на больное сердце, копается целыми днями на своем огороде, в малиннике или среди кустов крыжовника. А то еще возьмется дрова колоть. Кубометров пять за один прием наколет и в поленницу сложит. Жизнь рискует человек, а мальчишки смеются. И всякие обидные слова говорят. Придумали даже, что свою инвалидную мотоколяску Гурьян Кириллович приобрел незаконным путем. Мол, у него две ноги, и коляска не нужна. Не соображают, что грузному человеку, да еще с таким животом, трудно пешком ходить...

В Стрелогорске смешались деревянные старые домики и новые здания из крупных панелей. Поэтому рядом с домом Курилыча поднимается трехэтажный корпус. Новый, светло-розовый, с большими веселыми окнами. Здесь-то и живут враги почтенного владельца мотоколяски... Впрочем, хватит о нем. Речь главным образом пойдет о мальчишках.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО. ХУДОЖНИК ВОВКА РИСУЕТ С НАТУРЫ

– Боря-а! Бори-и-ска!

Слышишь? Нам повезло. Сейчас мы и познакомимся с главным героем повести. Борискина мать зачем-то зовет сына. Она открыла окно и с третьего этажа своим певучим голосом зовет:

– Борис! Ну, где ты, наконец?!

А правда, где он? Ага, вот...

Знакомство придется начинать не совсем обычно. На середине двора стоит коричневый “москвич”. Из-под “москвича” торчат четыре ноги. Две ноги – в желтых туфлях сорок третьего размера и узких синих штанах, две другие – в

старых маленьких сандалиях и в разных царапинах. Особенно интересна одна царапина, украшающая левую ногу. Длинная, зигзагообразная, словно молния.

После каждого крика нога с царапиной-молнией досадливо дрыгается. Значит, она принадлежит Борису. И, значит, Борис помогает шоферу.

Ноги, конечно, не голова. Но и по ним судить о человеке можно. Царапины говорят о том, что человек презирает гладкие дороги. Левая сандалия с протертой насквозь подошвой доказывает, что ее хозяин любит скорость: ведь левой ногой толкаются, когда мчатся на самокате. На правой ноге обувь просит каши. Подошва оторвалась. Все знают, что сами подошвы отрываются редко. А вот если садануть как следует по мячу...

- Бориска! Уголек! Долго мне ждать?!

Две ноги начинают выползать из-под машины. Появляются на солнце вымазанные автолом колени. Потом вельветовые штаны, загорелый живот и сбитая на грудь рубашка в красную и желтую клеточку.

И вот он на ногах.

Ты думал, что Бориска черный, как цыганенок? Ничего подобного. Волосы у него не светлые, но и не темные, а самые обыкновенные. А почему же тогда все зовут его Угольком? Может быть, из-за глаз? Они у Бориски и вправду словно блестящие угли. Но ведь ему девять лет. А когда человеку девять лет, кого интересуют его глаза? Просто фамилия такая у Бориски – Угольков. Потому и дали это прозвище. И Угольком его зовут гораздо чаще, чем настоящим именем.

Он стоит посреди асфальтового двора, щурясь от солнца и прикусив нижнюю губу. Прикусил губу он от досады: так и не дали ему помочь дяде Саше до конца.

- Уголек! – закричала мама. – Появился, слава богу! Ну-ка скажи, куда ты дел ручку от мясорубки?

- Хорошенькое дело, – обиделся он. – Я ее и не видел.

- А где веревка для белья? Тоже не видел? Кто учил Вьюна через нее прыгать?

– Это была другая веревка! – крикнул Уголек. – Маленькая! – Он не стал уточнять, что маленькая веревка была проводом от электроутюга. – А про большую я не знаю...

Певучесть окончательно исчезла в мамином голосе.

– Вы посмотрите! Он ничего не знает!.. А кто Гурьяну Кириллычу пистоны в замок сунул, тоже не знаешь, да? А он почему-то знает!

– Какие пистоны? – сказал Уголек и стал разглядывать палец, который вылез из правой сандали.

– Вот приди домой! Узнаешь, какие! – рассердилась мама.

Она обязательно сердилась, если не могла что-нибудь найти или если у нее что-нибудь не получалось. Тогда Угольку вспоминались все грехи, и ему попадало. Бывало даже, что не совсем справедливо попадало...

От упоминания о пистонах вполне могло испортиться настроение. И оно уже начало портиться. Угольку не захотелось возвращаться под машину. Уголек грустно задумался. Он вздохнул и повернул голову, чтобы почесать плечо о подбородок.

И тогда он увидел Белого Щенка.

В двадцати шагах от Уголька тянулся забор, путанный вверху колючей проволокой. Его построил Курилыч, чтобы отгородить свои грядки, парники и малинник от шумного и опасного двора соседей. Новых досок он не нашел, забор получился кривой и разношерстный. И вот на сером и скучном заборе кто-то нарисовал мелом Щенка.

Щенок был веселый. Он припадал на передние лапы, улыбался и тявкал. Правое ухо у Щенка торчало, как стрелка, а кончик левого загибался вниз.

Уголек подходил к забору медленно, широко раскрыв свои большие черные глаза. Будто оказалось перед ним невиданное чудо. Щенок смотрел на него с

забора и улыбался, словно звал поиграть.

- Ты как сюда попал? - спросил Уголек. - Тебя кто нарисовал?

Но собаки, нарисованные на заборе, не умеют разговаривать. Щенок улыбался и молчал. Уголек тоже заулыбался и протянул к забору ладонь.

Рука сама потянулась, словно хотела погладить Щенка. Но как погладишь, если под ладонью только шершавые доски...

- Уголек, здравствуй! А я на дачу еду. Бориска оторвал глаза от Щенка. Дядя Саша вылез из-под машины и теперь заталкивал в багажник огромный рыжий чемодан. Рядом стоял приятель Уголька Вовка Ларионов, Вовка-художник. Несмотря на жару, он был в длинных бархатных штанах и такой же куртке, похожей на колокол. Говорят, это обычный костюм художников. Сверху Вовку накрывала широченная войлочная шляпа, которую в прошлом году он привез из Сочи.

Счастливо блестя круглыми очками, Вовка повторил:

- Мы на дачу едем.

Уголек молчал. Подумаешь, на дачу едет! Какой интерес ехать на дачу в августе? И вообще, зачем дача, когда лес в двух шагах от дома, где живут Уголек и Вовка.

Уголек снова глянул на забор.

- Слушай, Вов, не знаешь, кто его нарисовал?

- Щенка? Я, - сказал Вовка так спокойно, словно речь шла о какой-нибудь обыкновенной обезьяне или, скажем, крокодиле.

- Ух, Вовка, - выдохнул Уголек, - замирая от проснувшейся надежды. - Ты просто так рисовал, из головы, или срисовывал?

– Я всегда рисую с натуры, – солидно сказал Вовка. – Утром я вышел подышать свежим воздухом. Ты, конечно, еще дрыхнул... Я вышел, а он сидит. Потом стал какой-то щепкой играть, развеселился. У калитки, где лужа. Я посмотрел и набросал для разминки... Ничего?

– А где он сейчас? Вовка! Где? – отчаянным голосом спросил Уголек.

– Ушел, – развел руками Вовка и снова между прочим кивнул на рисунок: – Ну как?

– Ушел. Эх ты...

Вовка, видя, что Уголек воздерживается от оценки его произведения, надул губы.

– Славная псина, – грустно сказал Уголек. – Чья же она?

– Может быть, ничья. Ведь без ошейника.

– Правда! Вдруг ничья? Может, потерялась...

Полыхнув нарядным цветастым платьем, к машине проплыла Вовкина мать.

– Вовочка, мы едем.

– Ну, пока, – сказал Вовка-художник.

– Ты не знаешь, как его звать? – глупо спросил Уголек у захлопнувшейся дверцы.

Машина выпустила синий дымок и укатила со двора.

СОБАК ВОСПИТЫВАЮТ С ДЕТСТВА. ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ ВЬЮНА

Уголек шел домой с опаской. Но мама уже отыскала и ручку от мясорубки, и веревку. А порванный провод от утюга она еще не видела. Поэтому она не вспомнила о пистонах, и Уголек не получил ни шлепков, ни подзатыльника. Мама весело велела ему смыть с себя мазут и садиться обедать. А сама стала собираться в клуб. Она спешила на занятие оперной труппы. Мама всегда куда-нибудь спешила: то на работу, то в вечерний институт, то на репетицию.

- Не хочется есть, - сказал Уголек. Он и думать не хотел о еде. Он думал о щенке.

Уголек вздохнул и позвал:

- Кис! Вьюн! Иди сюда, морда.

- Бедное животное, - жалобно сказала мама. - Ты, Уголек, ненормальный...

Но это была неправда. Голова Уголька работала отлично. Он даже закончил второй класс без "троек". "Тройку" вывели только по рисованию. Уголек не меньше других любил гонять футбол, прыгать сарая. и лазить за малиной в огород Курилыча. То есть он был вполне нормальным человеком.

Но у него была страсть: он бредил собаками. Конечно, есть люди, которые равнодушны к собакам. Есть даже такие глупцы, которые боятся собак. Эта повесть не для них. Им не понять человека, в груди которого бьется сердце, полное любви ко всем собакам на свете: к лохматым городским дворнягам, к мужественным пограничным псам, к смелым караульщикам овечьих стад, к благородным представителям охотничьих пород и даже к бесприютным динго - жителям. Австралийских степей.

Конечно, если бы имел Уголек свою собаку, он излил бы любовь на нее одну.

Но не было собаки.

В прошлом году, летом. Уголек чуть не стал самым счастливым.

Он шел с мамой в соседний гастроном и у крыльца магазина увидел пса.

Пес был большой и пегий. Он линял, и шерсть висела клочьями на худых боках. У него была добрая розовая пасть и чудесные коричневые глаза.

– Ох, какой ты... – выдохнул Уголек. Он медленно поставил на асфальт сумку с банкой для сметаны. Он сел перед псом на корточках.

– Боря! – воскликнула мама и певуче застонала.

Сидя на корточках. Уголек был ниже собаки. Пес перестал зевать. Веселыми глазами он посмотрел на Уголька и, поднимая пыль, заколотил по асфальту тяжелым хвостом.

– Псина. Милая, – сказал Уголек. Он притянул к себе мохнатую голову с полувисячими ушами и прижал ее к плечу. Милая псина облизала Угольку ухо. Сердце Уголька от радости запрыгало, словно крышка на кипящем чайнике.

– О-о, – проговорила мама издали, потому что боялась собак больше, чем мышей и скарлатины. – О-о... Не прижимай это чудовище.

Чудовище облизало Угольку второе ухо.

Пока сын обдумывал, какой угол в квартире лучше подойдет для собаки, а мама выбирала место, чтобы упасть в обморок, на крыльце раздалось постукивание. Из магазина вышел человек с седой щетиной на подбородке и деревяшкой вместо левой ноги.

– Балалай, – сипло позвал он.

Балалай бросил Уголька, медленно поднялся и описал вокруг хозяина ленивую орбиту. Как большая планета вокруг светила. Светило, что-то бормоча, прятало в кармане зеленое горлышко поллитровки.

Уголек молчал. Но в его черных глазах, наверно, была такая тоска. что человек решил снизойти до разговора.

– С тобой Балалай не пойдет. Н-не пойдет, – сообщил он, уперев в Уголька мутноватый взор. – Ты собаку с детства... воспитывай с детства. Тогда пойдет.

Потому что преданность в ней. Вот я последние штаны... отдам. А собаку ни-ни за что...

Видимо, он собрался произнести длинную речь о собачьей преданности, но мама, оправившись от потрясения, схватила Уголька за локоть и увлекла от опасного места...

Итак, собаки не было. Был только пожилой кот Вьюн, прозванный так за то, что в молодости отличался изяществом и грациозностью.

Собачья жизнь не для котов. Коты созданы для того, чтобы по ночам дурными голосами орать на крышах, днем спать на солнце, утром и вечером воровать на кухне молоко и рыбу, а в свободное от этих занятий время изредка ловить мышей. Вьюн считал такой образ жизни совершенно правильным. Уголек считал иначе.

У него не было верного пса, который бы вытаскивал хозяина из кипящей морской пучины, шагал с ним по ледяным арктическим пустыням. помогал в охоте на носорогов и ловил шпионов. Зато у нашего Уголька было богатое воображение. А с помощью воображения нетрудно сделать из кота собаку.

Начались для Вьюна тяжелые дни. Через неделю он похудел и стал тонким, как в юности. Он сопротивлялся. Он показывал когти. Но через месяц

Вьюн понял, что для собственного благополучия следует ходить на цепочке, не упираясь, и становиться на задние лапы, как только этого захочет упрямый хозяин. В общем, он многое понял.

Но ничего не понял Митька Шумихин. И его друзья не поняли.

Когда Уголек первый раз вывел кота на цепочке от старых ходиков, во дворе раздался восторженный вой пяти глоток. Даже Витька-Мушкетер, которого Уголек считал человеком благородным и умным, поддался общему настроению. Он подскочил к Угольку, вежливо помахал перед ним бумажной шляпой и задал вопрос:

- Позвольте узнать, что за порода у вашей великолепной собаки?

– Верблюд, – сказал Уголек.

– Очевидно, иностранная порода? Удивительное название...

– Ты верблюд, – уточнил Уголек, отойдя поближе к дому...

Ты думаешь, с тех пор он бросил дрессировать Вьюна? Уголек упрямый. Если смеются над ним или не получается что-нибудь, он только прикусывает нижнюю губу. Даже глаз не прищуривает, как это делают другие упрямые люди. Он лишь прикусит губу, а глаза открывает еще шире, будто удивляется чему-то.

УГОЛЕК НЕ ХОЧЕТ БЕЖАТЬ. ДВОЕ И ОТЧАЯННАЯ ТЕТКА

В доме, где живет Уголек, в каждом подъезде – сквозной коридор. Одна дверь ведет на улицу, другая во двор.

Во двор Уголек не пошел: там он мог встретить Митьку и других своих недоброжелателей. А друзей Уголька в городе не было. Разъехались на лето кто куда. Вовка-художник оставался, но и тот сегодня уехал на дачу.

Уголек перехватил покороче цепочку и вывел кота на улицу.

Эх и не повезло же ему! Вся Митькина компания двигалась навстречу. Впереди приплясывал маленький веснушчатый Сережка. Он с Угольком учился в одном классе. Только там его звали не Сережкой, а Шурупом. Шуруп – вот и все. Это за вертлявость.

За Шурупом шли шеренгой сам Митька Шумихин и толстощекие неповоротливые братья Козловы – Глебка и Валентин. Они очень похожи, но Валентин отличается более высоким ростом и глупостью.

Сережка-Шуруп крутился перед ним и что-то рассказывал писклявым своим голосом. Шурупа слушали, и сначала никто не увидел Уголька.

Немного в стороне от компании шагал Витька-Мушкетер. Он не обращал внимания на Шурупа, потому что презирал его. Уголька он тоже не заметил. Тонкой сосновой шпагой, изящно выгибая талию, Витька рубил головы ромашкам. Эти ромашки цвели у тротуара. Ветер принес семена из леса, и они проросли у асфальта. Не думали, что погибнут от клинка легкомысленного Мушкетера.

Лишь одну ромашку пощадил – самую большую, приютившую на себе черно-золотистую пчелу. Узкий клинок вздрогнул и замер у самого стебля. И уткнулся в траву. Витька-Мушкетер вздохнул и поднял задумчивые глаза.

И он заметил Уголька.

– О-о, – сказал Витька. – Взгляните, почтенные дамы и господа.

“Дамы и господа” тоже увидели Уголька. Братья Козловы радостно завопили. Шуруп завертелся вокруг оси. Митька замотал своим казацким черным чубом и сделал вид, что боится Вьюна.

– Тише, – сказал Митька. – Оно кусается...

После этого они двинулись навстречу Угольку. И ничего хорошего такая встреча не обещала. Мушкетер еще помнил “верблюда”, Митька вообще любил дразниться, братья Козловы были с ним за компанию. А Шуруп всегда был за тех, кого больше – на всякий случай.

Уголек стоял. Сзади была открытая дверь, но он стоял, потому что бежать ему мешала гордость. А может быть, это была не гордость, Уголек и сам не знал. Если бы за ним гнались, кричали, свистели, он бы, конечно, удирал без оглядки. Но мальчишки подходили медленно. Они ухмылялись. Будто испытывали нервы Уголька. И он не двигался, стоял, прикусив губу.

– Я ведь к вам не лезу, – сказал наконец Уголек.

– Пусть он прыгнет через огненное кольцо, – потребовал Митька и показал концом ботинка на Вьюна. Вьюн сидел, лениво щуря желтые глаза.

Ему было все равно.

- А где мы кольцо-то возьмем? - спросил глупый Валентин.

Витька-Мушкетер вытянул шпагу и пощекотал ею кошачьи усы. Вьун сморщился и зевнул. Это всем, кроме Уголька, понравилось. Витька повторил опыт. Вьун вдруг размахнулся и трахнул лапой по шпаге.

- Презренный, - холодно сказал Мушкетер. - Ты оскорбил священный клинок. Ты умрешь.

- Они умрут оба, - решил Митька. - Взять их!

- Взять их! - завертелся Шуруп.

Братья Козловы с сопением потянулись к Угольку. Он отступил на крыльцо, а потом в дверь. Братья не отвязывались, и Уголек прошел спиной вперед весь коридор. Он отступал молча и думал, что все равно поймают. Завернут назад руки, дадут в лоб пару шалабанов. Это ничего, но Вьюна жалко. Начнут сами "дрессировать" кота - замучают. Он хоть и дурак, а все-таки...

Уголек пятился и забыл, что сзади есть ступенька. Он сорвался с крыльца. На ногах удержался, только пришлось пробежать задом наперед несколько шагов.

А когда он остановился, - случилось неожиданное.

Уголек увидел, что стоит между двух мальчишек, одетых в одинаковые белые рубашки и сатиновые трусы. Но сами мальчишки были неодинаковые.

Тот, что стоял слева, был высокий, даже повыше Мушкетера, и красивый. То есть, может быть, и некрасивый, но Угольку понравился, лицо понравилось и волосы - густые такие, светлые и курчавые, прямо целая шапка. А справа стоял мальчишка весь какой-то круглый. Толстоватый, низенький, голова стриженная, и уши торчком.

Они враз уставились на Уголька.

– Держите его! – заорали с крыльца братья Козловы, Митька Шумихин и Шуруп. Незнакомые мальчишки враз положили ладони на плечи Уголька.

– Держим, – весело сказал старший. Уголек не двигался. Ясно, что попался. Эх, была бы настоящая собака!

– Толик, а зачем держать? – вдруг спросил круглый.

– Зачем держать? – спросил Толик у Митьки. Митька прищурился, разглядывая незнакомцев.

– Надо, – сказал он, – вот и держите.

Круглый мальчик снял с плеча Уголька ладонь и поглядел на Вьюна. Вьюн сидел с безразличной мордой.

– Киса, – осторожно сказал круглый и погладил Вьюна. Кот неожиданно выгнул спину и ласково муркнул. Мальчишка взял его на руки и почесал за ухом. Вьюн потерся щекой о белую рубашку. Наконец-то с ним обращались не как с собакой.

Уголек удивился. Разве не удивительно? То поймали, а то ласкают его кота. А дальше что? Он по очереди смотрел то в одно, то в другое лицо. Но высокий Толик разглядывал Митьку, а его круглый приятель гладил Вьюна.

– Дай-ка нам кошку, – велел Митька.

– Это их кошка? – удивился круглый.

– Мой кот, – сказал Уголек. – Правда, мой.

– Это его кот, – объяснил Митьке Толик.

Митька через плечо глянул на свою армию. Потом поинтересовался:

– А если по зубам?

- А если обратно? - улыбнулся Толик.

Круглый мальчик отпустил кота. Митька сказал:

- Мушкетер, дай саблю.

Но Витька не дал: благородное оружие - не для уличных потасовок. Он прислонил шпагу к стенке.

- Дать им? - хором спросили братья Козловы.

- Дать им! - завертелся Шуруп.

- Дать или не дать... - задумчиво произнес Мушкетер и скрестил руки.

- Вы откуда? - хмуро поинтересовался Митька. - Откуда два таких?..

- А что?

- А у нас закон: кто нахальный, того все сразу бьют, без правил.

- Получается?

- Щас покажем.

Братья Козловы с готовностью засопели.

Уголек рывком снял с Вьюна ошейник. Уноси ноги, Вьун! Сейчас здесь будет веселая жизнь! Отчаянная смелость зазвенела в Угольке: он был не один. И он до конца будет защищать новых друзей.

- Славка, - сказал Толик, - позови тетушку.

Круглый Славка сложил рупором ладони. Ну и голос! Угольку почудилось, что в доме дрогнули стекла.

– Тетка, к бою!!

Прошла секунда изумленного молчания. Потом вторая. Когда кончалась третья, в первом подъезде раздался дробный грохот и вырвалось что-то непонятное – зеленое и голубое.

Оно ударило Митьку в живот. Митька прижал к желудку ладони и стал медленно сгибаться, будто простреленный навывлет. Глаза у него таращились, а рот беззвучно открывался и закрывался. В это время братья Козловы, с большой силой трахнутые друг о друга лбами, безуспешно пытались понять, что случилось. Шуруп лежал на земле и верещал на всякий случай. Ему не попало, он успел упасть заранее.

Уголек, сбитый на асфальт, покотился под ноги Толику. Мушкетер стоял рядом с дверью на цыпочках и не шевелился, будто его приклеили.

Тут шум затих, и Уголек понял, что никакой тетушки нет. Была девчонка. Ростом с мушкетера, в зеленой кофточке и синей юбке. У нее были толстые, как у негра, губы, румяные щеки и отчаянные глаза. А еще были косы, торчащие вверх от затылка и загнутые, как рога на шлеме викинга.

Уголек сел.

– Совершенно бестолковая ты, Тетка, – сказал Славка, – его-то за что?

Толик молча поставил Уголька и отряхнул.

– И вообще! – возмутился Славка. – Всегда одна. А мы тоже хотели...

Митька наконец распрямился и сипло пообещал:

– Встретимся еще.

На него не смотрели. А чего на него теперь смотреть? Сгибаясь, он ушел. Ушли за ним, потирая лбы, братья Козловы. Исчез Шуруп. Только Витька-Мушкетер не исчез. Он зацепился штанами за гвоздь, когда тетка мимоходом шарахнула его.

И отцепиться не мог. Рвать штаны Витька не хотел и с философским спокойствием ждал решения своей судьбы.

Толик подошел и отцепил Мушкетера.

- Благодарю, - сказал Мушкетер.

Высокий красивый Толик промолчал.

- Ну, я пойду, - вздохнул Мушкетер.

- Ну, иди.

Уголек спросил у Толика:

- Вы сюда к кому пришли?

И Толик сказал:

- Жить.

- В шестую квартиру? - догадался Уголек. - Там раньше полковник Карпов жил.

- Вот это да! Полковник... - удивился круглый Славка. - А ты кто?

- Я? Просто... Борька. Угольков.

- Толик, - сказал Толька и протянул тонкую ладонь, - Селиванов.

Уголек нерешительно подержал пальцы Толика. Он впервые здоровался за руку.

Славка тоже сказал:

- Селиванов. Славка.

Второе рукопожатие получилось лучше.

– Селиванова, – буркнула Тетка и дала Угольку руку, украшенную боевой ссадиной. – Пока. У меня дела.

Уголек смущенно поглядел вслед.

– А чего у нее... имя какое-то не такое. Так Каштанку звали, когда она у Дурова жила. Тетка...

– А это и не имя, – объяснил Толик. – Она в самом деле наша тетка. Папина сестра. Вообще ее Надеждой зовут.

Славка спросил:

– А почему у тебя кот на цепочке? Дрессированный?

Это были друзья. Уголек сразу понял. Понял, что смеяться не станут. Они сели на крыльцо, и Уголек рассказал все. И про веселого пса Балалая, у которого хозяин с деревяшкой вместо ноги. И про дрессировку

Вьюна. Вьун хороший. Но он все-таки кот, а не настоящая собака. На цепочке его водить неудобно. И мальчишки смеются.

– Мне бы щенка, – сказал Уголек. – Чтобы с детства его воспитывать. Собаку обязательно надо воспитывать с детства. Только где ее взять? Утром бегал тут один щенок, да и тот...

И Уголек рассказал про щенка, которого нарисовал Вовка.

– Не мог уж поймать, – снова обиделся он на Вовку. – Все равно он, наверно, беспризорный. Здесь таких щенков нет, я же знаю. И без ошейника он.

Угольку стало грустно. И чтобы утешить его. Толик сказал:

– Может, врет он, твой художник.

И Славка добавил:

– Может, не было щенка совсем...

НО БЕЛЫЙ ЩЕНОК БЫЛ

Он сам не помнил, откуда взялся. Помнил только нагретый солнцем деревянный пол, который немного качался. С одной стороны пол огораживала железная сетка, и на ней висели большие красно-белые кольца. Внизу за сеткой плескалась вода. Много воды. А с другой стороны тянулась белая стена с окнами.

А еще он помнил дом на колесах, длинный коридор и кругом полки. а на полках люди. Пол в коридоре все время дрожал, и под ним что-то стучало. Щенок сначала боялся, а потом привык.

Он привык, потому что его успокоили Руки. Это были большие и добрые Руки. Щенок помнил их с тех пор, как помнил себя. Он узнавал их сразу: Руки пахли дымом, смолой, рыбой и маслом, которым мажут ружье. Щенок знал ружье. Он его побаивался, хотя и скрывал это. Ружье умело грохать так, что земля подпрыгивала, а в ушах долго звенело.

Но сейчас ружье спало в узком черном чемодане. Оно ехало рядом с пузатым зеленым мешком, в котором лежало мясо и сухая рыба. Иногда Руки давали мясо и рыбу щенку. Потом Руки гладили щенка, играли с ним, ласково ерошили шерсть на загривке. Играя, он мягко хватал Руки губами.

Однажды Руки сняли с него ошейник с цепочкой, пустили побегать. Щенок побегал и лег под лавкой. Но мимо проплыла большая корзина, и она пахла мясом. Щенок тихо пошел за корзиной. Открылась дверь, ударил ветер, и щенок попятился. Но корзина пахла мясом, и он пошел за корзиной туда, где сильно гремело.

Корзина опустилась на пол. Рядом с ней остановились две ноги в сапогах, но сапоги щенка не интересовали. Он ткнул носом корзину.

И тогда один сапог страшно ударил щенка в живот.

Навстречу помчалась зеленая земля, и в уши набился воздух. Потом стало темно.

Долго было темно. Когда щенок открыл глаза, у него болели лапы и голова. Он заскулил и стал ждать, когда Руки поднимут его. Но Рук не было. Кругом только тихо качалась трава. Щенок поскреб лапами землю и встал. Он хотел пить и есть. Впереди виднелись дома. Они казались очень маленькими. Щенок уже понимал, что такое дома. Он пошел к ним сквозь густую пахучую траву.

Он шел долго и оказался в городе, когда солнце спряталось за домами.

СОЛНЦЕ И ЛЕС. НЕ НАДО УБИВАТЬ МАМОНТОВ

У сосен мохнатые зеленые лапы. Они закрывают небо. Только отдельные клочки неба можно увидеть сквозь ветки. Зато эти клочки синие-синие, в них гораздо больше синевы, чем в целом небосводе.

Солнце в лесу тоже особенное. Оно висит, запутавшись в вершинах сосен, и похоже на большую золотую звезду с тысячью лучей. Лучи прорезают темный зеленоватый воздух леса. Каждый луч что-нибудь находит для себя. Один зажег искры в желтых каплях смолы на оранжевой коре дерева, другой сквозь черный глазок влетел в дупло – прямо в беличью квартиру – и светлым пятном улегся на рыжую спину хозяйки. А еще один луч отыскал на земле удивительный лист какого-то растения. Уже август, и этот листок, услышав о недалекой осени, поспешил сделаться красно-желтым. Он пятиконечный и похож на яркую морскую звезду. Много деревьев с каплями смолы и гнездами лесных жителей. Много цветных листьев. Много маленьких чудес. Уголек умеет находить их не хуже солнечных лучей.

– Пошли, – сказал он друзьям.

Братья Селивановы и Тетка быстро подружились с лесом. Они примолкли сначала, когда сосны окружили их и сделался слышным ровный и негромкий

шум. Но Уголек сказал:

- Это ветер вверху.

Толик посмотрел на вершины деревьев, оглянулся и предложил весело и громко:

- Давайте охотиться на мамонтов!

- На мамонтов! - отчетливо сказало на просеке эхо, и все мамонты в лесу, наверное, сразу узнали про опасность.

Отчаянная Тетка сверкнула глазами, почти такими же черными, как глаза Уголька.

- Мы будем племенем охотников за бивнями.

Они смастерили оружие. Взяли палки, расщепили их Славкиным ножом и в развилку вставили длинные узкие камни. Камней и палок много на склонах лесистых гор.

Камни крест-накрест прикрутили к рукояткам проволокой, которая нашлась в Славкиных карманах. Получились топоры, как у настоящих первобытных людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/krapivin_vladislav/belyy-schenok-ischet-hozyaina

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)